

ISSN 0130-1616

Январь

1991

Январь

Б. Раушенбах

РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Сегодня вопросы религии, ее места в современном обществе, ее роли в нем, ее поразительной «живучести» привлекают всеобщее внимание и заставляют по-новому взглянуть на нашу историю. Почти семьдесят лет религиозное мировоззрение подвергалось в нашей стране ожесточенным атакам. Бесчисленные пропагандисты доказывали научную несостоятельность религии, ее вредность, ее неизбежную гибель. Религию называли «пережитком» (это слово вошло даже в старый устав партии), показывая тем самым, что конец ее близок, что она умрет вместе с последними заблуждающимися — дряхлыми старушками.

Правда, сначала воинствующие безбожники, а затем сменившие их научные атеисты, бодро рапортуя о своих успехах, прекрасно понимали, что пропаганда, которую они ведут, не достигает цели. Поэтому стали применять и применяли до последнего времени более действенные меры в отношении исповедующих религию.

В 20-е и 30-е годы ссылали в лагеря и расстреливали ни в чем не виноватых христианских священнослужителей и просто верующих (мусульманам и буддистам приходилось не легче), закрывали и разрушали церкви (как при этом добивались, чтобы акты такого вандализма совершались якобы по требованию населения, — хорошо известно). Публично на площадях сжигали иконы (то есть произведения искусства, восстановить которые невозможно). Искусствоведов, протестовавших против этого разгула невежества, отправляли «на перевоспитание» в лагеря (пример тому — судьба замечательного реставратора П. Д. Барановского).

После войны, особенно после «хрущевской оттепели», несколько смягчились формы государственного преследования религии — не стало расстрелов и костров. Но по-прежнему насильно закрывали церкви, религиозным общинам без каких-либо оснований отказывали в регистрации, а следовательно, запрещали их; людям мешали исполнять религиозные обряды (например, родителей, крестивших ребенка, сурово «прорабатывали» по месту службы); ввели (в отличие от ФРГ в ханжески замаскированной форме) запреты на профессии — например, учителем (даже математики) не мог быть верующий. Саму же Церковь лишили возможности делать то, что требует ее учение, — творить милосердие. По остроумному замечанию одного современного архиерея, мы были единственной страной, в которой закон запрещал творить добро. Если ко всему сказанному добавить, что любая форма проповеди религиозных представлений вне стен церковных храмов преследовалась в уголовном порядке, то, казалось бы, победа «научного» атеизма была обеспечена. Но едва лишь люди получили свободу, как стало очевидным, что расстрелы, костры, разрушение церквей, преследование религии и верующих, повсеместная пропаганда атеизма в школе, высшей школе, бесчисленных университетах марксизма-ленинизма, в многочисленных книгах и брошюрах (правда, обычно на редкость безграмотных) так ничего и не дали: церковные общины растут как грибы после дождя — возник дефицит церковных зданий, священников, религиозной литературы.

Все это наводит на мысль, что религия имеет какие-то очень глубокие корни и не является «заблуждением», с которым легко может справиться наука. Чтобы обсудить возникающие в этой связи проблемы с научных позиций, обра-

тимся к интенсивно изучаемой сегодня функциональной асимметрии головного мозга человека. Оказалось, что левое полушарие обеспечивает главным образом рациональное мышление, а правое — образное восприятие мира. Принадлежность того или иного человека к «физикам» или «лирикам» зависит, по-видимому, и от того, какое из полушарий у него доминирует. Конечно, это деление не абсолютное. Такие гении, как Леонардо да Винчи и Гете, например, достигли выдающихся успехов и в точных науках, где необходимо строго рациональное мышление, и в искусствах, требующих от художника особой эмоциональности и развитого образного мышления. Не только гениям мировой культуры свойственна такая гармония, она может проявляться и у обычных людей. Но, как правило, один из типов мышления все же доминирует — идет ли речь о выдающихся деятелях науки и культуры или о тех, кто не наделен особыми талантами.

Наглядный образ взаимодействия логической и внелогической части нашего сознания можно найти у Гомера. Мне уже приходилось пользоваться этим ярким примером. В «Илиаде» Гектор говорит об ожидающей его трагической судьбе:

«...Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью, и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя...»

Для нас важно, что Гектор ведает и мыслью (основываясь на рациональном мышлении), и «сердцем» (опираясь на образные предчувствия). Для дальнейшей античной традиции характерно разделение «мнения», то есть того, что получено посредством чувств, и «знания», имеющего своим источником разум. Для целостного же восприятия мира одинаково свойственны и то, и другое, и пренебрежение одним из них пагубно как для личности, так и для общества.

Религию так же, как искусство, будем относить к той сфере сознания, которую Гектор назвал «сердцем», — условимся называть ее внелогическим знанием. Оно не опирается на рационально построенные цепочки рассуждений, а возникает сразу. В качестве примера внелогического знания можно привести чувство красоты. Увидев красивый пейзаж, человек знает, что пейзаж этот красив. Это именно знание, ведь оно определяет поведение. Человек, например, откажется возводить здесь какие-либо сооружения, если считает, что они испортят пейзаж.

Может быть, наиболее убедительный пример такого знания дает история космонавтики. Как известно, при старте установленный на ракете космический аппарат для защиты от атмосферных воздействий закрыт головным обтекателем. Поэтому при подъеме ракеты космонавт видит только приборную доску. По выходе ракеты из атмосферы этот обтекатель сбрасывается и космонавт видит в иллюминаторы Землю. Первыми словами Гагарина после этого сброса были: «Красота-то какая!» — слова, не предусмотренные никакими инструкциями.

Внелогическое знание связано, конечно, не только с созерцанием природы. Чувство красоты (иногда говорят о чувстве прекрасного) — необходимый элемент восприятия картин, поэзии, музыки. Здесь уместно отметить особенность такого восприятия — обычно его надо воспитывать. Но воспитание не может быть сведено к обучению каким-то рациональным приемам. Главное — развить ту часть нашей способности понимать мир, которую относят к эмоционально-образному, а не логическому восприятию. К внелогической сфере человеческого сознания принадлежат и такие определяющие поведение чувства, как милосердие, любовь к ближнему, нравственное чувство.

Религия тоже тесно связана с внелогической сферой сознания, она тоже участвует в образовании внелогического знания о мире (и отсюда в определении поведения человека). Однако это положение требует некоторых пояснений. Религия вовсе не ограничивается познанием мира, спектр ее задач много шире, и это хорошо известно. Когда говорят о внелогическом как основе религии, то этим фактически утверждают примат в ней внелогического над рациональным. Лучше всего это утверждение иллюстрируется, пожалуй, полным провалом всех попыток доказать бытие Бога с помощью рационально-логических рассуждений. Внелогическое знание о Боге предшествует, таким образом, богословию. Поэтому, говоря о религии, я буду прежде всего иметь в виду ее внелогическую сущность.

Примат внелогического можно проиллюстрировать, обратившись к поэзии. Поэтическое творчество не сводится к изложению мыслей ритмически и в рифму. Главное в нем — поэтическое чувство, художественный образ, которые невозможно истолковать в терминах рациональной логики. Но это вовсе не означает, что при изучении художественного творчества нельзя прибегать к формально-логическому анализу текста, даже с привлечением компьютеров. Надо только всегда понимать, что рациональной логике отведена в поэзии подчиненная роль. Утверждение, что в поэзии главное не формальные правила стихосложения, а поэтическое чувство, наводит на мысль, что и в религии, в ее основе, лежит внелогическое религиозное чувство. Г. К. Честертон в написанной им биографии Франциска Ассизского очень тонко передал внелогическую сущность глубокого религиозного чувства: «...вера... подобна не теории, а влюбленности».

Чтобы сделать более понятными последующие рассуждения, приведу один пример. В нашей стране за долгие годы поощрения атеистической деятельности и многообразных ущемлений религии появилось много семей, в которых по меньшей мере три поколения жили вне церкви в твердой убежденности, что религия — пережиток прошлого, который умрет по мере распространения научных знаний. Поэтому религиозность представлялась (не только на официальном уровне, но и в семье) признаком недостаточной культуры, недостаточности образования, чем-то почти постыдным. У членов таких семей не возникало даже мысли посетить церковь хотя бы из любопытства.

В одной из таких семей молодой человек, принадлежавший к третьему поколению атеистов, мягко говоря, сбился с пути — бросил институт, пьянствовал, безобразничал, опускался все ниже. Родственники отчаялись повлиять на него. И вот однажды он сообщил, что крестился и, как христианин, начинает новую жизнь. Его слова посчитали дурной выходкой, но молодой человек действительно совершенно изменился — перестал пить, порвал со своими друзьями, устроился на работу...

Возникает вопрос о причинах такой метаморфозы, тем более, что известно много случаев неожиданного обращения потомственных атеистов к религии. Можно предположить, что этому молодому человеку с детства было свойственно религиозное чувство, сущности которого он не понимал да и не мог понять в атеистическом окружении. Не имея возможности удовлетворить это чувство, он постоянно испытывал неудовлетворенность жизнью. Эта неудовлетворенность бросала его в сомнительные компании, где он пытался найти «смысл жизни», но не находил его ни там, ни в повседневности. Ему не хватало веры в Бога, чтобы утолить жажду, порожденную религиозным чувством, которое владело им с детства. Об этой вере он не мог услышать ни дома, ни в школе, ни в институте, ни от своих собутыльников. Ему очень повезло, что он встретил человека, понявшего его и указавшего путь к спасению.

Этот и аналогичные случаи свидетельствуют о том, что потребность в религиозной жизни может возникать до всякой веры и как бы «сама собой». Здесь вновь уместна аналогия с поэзией. Некоторые люди рождаются поэтами и всю жизнь (иногда неосознанно) стремятся стать поэтами. Не всем это удастся, но каждый из них будет буквально расцветать, соприкасаясь с поэзией. Мы часто говорим о человеке, что у него «большие способности к...» (музыке, математике и т. д.), но почти никогда не говорим о способности к религиозной жизни. На Западе, где религия не преследовалась, прекрасно знают, что есть люди, которые не мыслят жизни без ежедневного контакта с церковью (это обладающие «способностью»), и есть многие, которые считают себя верующими, ходят в церковь, но скорее следуя традиции, чем внутреннему чувству.

Наблюдения эти приводят к мысли, что религиозное чувство (как основа веры), подобно другим способностям, может передаваться генетически. Поэтому точно так же, как великий поэт может родиться в семье, где мало интересуются литературой, глубоко верующий может родиться в семье атеистов. Если религиозное чувство передается генетически, если существует «ген религиозности», то это свидетельствует о «полезности» религии, поскольку только полезное закреплялось в ходе биосоциальной эволюции человечества. Обратившись к заре челове-

ства, мы убеждаемся в том, что «атеистических» племен не было. Все, что известно из этнографии и археологии, говорит о повсеместном распространении разнообразных религиозных представлений. Создается впечатление, что примитивная религиозность давала исповедующим ее племенам преимущества в борьбе за существование сравнительно с «атеистическими» племенами, в результате которой те (если они вообще были) исчезли с лица Земли. Но в этом случае «ген религиозности» был полезен и должен был передаваться последующим поколениям.

В чем причина примитивной религиозности? Обычно говорят о том, что, не умея объяснить явлений природы, часто испытывая перед ними страх, первобытные люди в конце концов давали естественным явлениям фантастические объяснения и пытались с помощью магии воздействовать на некоторые важные для них стороны жизни (магические обряды перед охотой и т. п.). Все это безусловно справедливо, но какая польза может быть извлечена первобытным племенем из всего этого? А если все это только бесполезное суеверие, то зачем такая бесполезная деятельность возникла повсюду и поддерживалась в течение многих тысячелетий? Ведь не только отдельный человек, но и сообщество людей (племя) обладают известным практическим здравым смыслом, и все бесполезное в конце концов отмирает.

Обычно объяснения примитивной религиозности носят логический характер: первобытному человеку приписывают стремление к научному (псевдонаучному) объяснению происходящего в окружающем его мире. В то же время существует внелогическое знание, и поэтому важно оценить: не является ли внелогическое основным в первобытной религии? Множество фактов подтверждает такое предположение.

На заре своей истории человек не выделял себя из природы, ощущал себя ее частью, причем частью не только своего непосредственного окружения, но и всей Вселенной с ее звездами (это не преувеличение — сегодня, например, хорошо известно, какое большое влияние оказывает на земную жизнь изменение солнечной активности). Внелогическое чувство помогало на внелогическом же уровне находить оптимальное для данных условий поведение. Как животные чувствуют изменение погоды, суровость или мягкость наступающей зимы, близость стихийного бедствия и используют эту информацию для выживания, так и особо чувствительные к внешним обстоятельствам люди могли быть полезными в этом смысле для племени. Важно еще раз подчеркнуть, что такие люди не рассуждали, наблюдая окружающее, а просто ощущали себя причастными к процессам, идущим во Вселенной, к Высшим силам, определяющим такие процессы, и могли использовать свое внелогическое знание на пользу племени. Вполне можно представить себе, как руководитель племени неожиданно для всех (и для себя) приказывал немедленно покинуть место постоянного пребывания (и это оказывалось потом на самом деле нужным) или иными внелогическими указаниями помогал выживанию племени. Нет сомнения, что это было знание — по меньшей мере аналогичное свойственному животным, — а не самообман. Частью этого ощущения причастности ко всему была и способность ощущать состояние соплеменников. На этой основе расцвело первобытное врачевание, совершенство которого начинает сегодня изумлять врачей. Конечно, и тут успеха могли достигнуть лишь люди, отличающиеся особой чувствительностью. Известно, что сейчас на Востоке опытные народные целители отбирают детей, способных в будущем стать их последователями, и делают это на внелогическом уровне. Отбирающий не прибегает ни к экзаменам, ни к каким-либо тестам, он просто чувствует, что из мальчишки будет толк. Самое поразительное для современного европейца то, что ошибок не бывает. Сказанное отнюдь не охватывает все стороны намеченной здесь проблемы — проблемы роли внелогического знания в возникновении религии. Проблема эта требует дальнейшего изучения.

Особо чувствительные к внешним обстоятельствам люди были полезны племени, так как они увеличивали вероятность его нормального существования и выживания при разного рода бедствиях. Безусловная польза, которую они приносили, привела к тому, что их способности надо было генетически передавать

следующим поколениям. Эта наследственная передача своих необычных способностей была выше условно названа «геном религиозности». Как видно из приведенных соображений, сущность этого «гена» сводится к внелогическому ощущению своей причастности к идущим во Вселенной процессам — процессам, не поддающимся логическому анализу, во многом неясным, на которые влияют некие Высшие силы, но тем не менее реальным и определяющим нашу жизнь.

Когда мы говорим о религиозном чувстве, то, по сути, имеем в виду нечто аналогичное. Человек, которым владеет это чувство, прежде всего испытывает протест против засилья логического знания и пренебрежения знанием внелогическим. Он не просто допускает существование внелогического знания, а убежден в его первостепенной важности. Более того, такой человек, как и его далекий предок, ощущает свою сопричастность идущим во Вселенной процессам, ощущает не имеющие логического обоснования, а потому непостижимые Высшие силы (управляющие Вселенной) как объективную реальность.

Можно указать на ряд известных фактов, которые приобретают новые черты в свете приведенных рассуждений.

Прежде всего полезно напомнить, что в фундаменте религии лежит Откровение. Между тем внелогическое знание и не может возникнуть иначе, совершенно независимо от того, религиозное оно или нет. Вспомним пример с пейзажем, при первом же взгляде на который человек приходит к выводу, что он красив, не опираясь при этом на цепочку логических умозаключений. Следовательно, если принять, что в основе религиозного чувства лежит внелогическое знание, то религия и должна основываться на Откровении. Возникающее вслед за этим и опирающееся на логику богословие — лишь следствие.

С внелогическими истоками религиозного чувства связано и то, что иногда полуграмотный человек ближе к религиозной истине, чем многомудрый ученый. Это тоже казалось многим абсурдом. Однако никого не удивляет, что простой крестьянский парень стал великим поэтом и лучше понимал душу поэзии, чем иные ученые-филологи. Внелогическое знание невозможно постичь, основываясь на рациональной логике. Логическое исследование позволяет обнаружить существование внелогического знания, классифицировать и внешне описать, но не проникнуть в него. Для этого надо использовать, условно говоря, не левое (логическое), а правое полушарие головного мозга.

Опора религиозного чувства на правое полушарие мозга, которое «ответственно» и за чувство прекрасного, хорошо объясняет характер православного богослужения. Как известно, желательно совершать его в величественных храмах, богато украшенных росписями и иконами, при торжественном пении, зажженных свечах и воскурении благовоний клиром в красивых одеяниях. Недаром П. А. Флоренский назвал богослужение «синтезом искусств». Но ведь этот «синтез искусств» воздействует, как и всякое искусство, на образно-эмоциональную часть нашего сознания, то есть именно на то полушарие головного мозга, в котором коренится и религиозное чувство. Такое возбуждение мозга должно способствовать усилению и религиозных переживаний. Поэтому высокохудожественный характер храмового действия действительно полезен при богослужении и используется вовсе не для того, чтобы привлечь «темные массы» в церковь, как иногда думают.

Религиозное чувство было определено как внелогическое ощущение своей сопричастности идущим во Вселенной процессам, на которые влияют некие Высшие силы. Если это так, то, чтобы усилить ощущение сопричастности к Высшему, полезно исключить все, что от этого отвлекает. Здесь одна из причин стремления части монашествующих уходить «в пустынь», оставаться один на один со Вселенной. Так, об одном из валаамских старцев рассказывают, что он любил уединяться в лес, окружающий скит и там, любясь в безмолвии красотою матери-природы, по его словам, «от твари познавал Творца». Из этих слов видно, что старец через слияние с природой (если угодно — со Вселенной) усиливал религиозное внелогическое чувство.

Совершенно очевидно, что саму религию нельзя свести к феномену лишь внелогического компонента сознания. Рациональное обоснование религии опира-

ется на священное Писание, священное Предание, многочисленные высказывания отцов и учителей Церкви и труды богословов. Именно здесь, в споре с богословами, могут возникнуть и атеистические убеждения, и новые варианты религии (относимые ортодоксами к ересям). Однако в контексте рассматриваемой проблемы постоянного возобновления религиозного чувства у части нарождающихся поколений важно именно внелогическое религиозное чувство.

Следовало бы сказать и о многократно упоминавшихся Высших силах. Тут возможны два решения — либо они существуют, либо нет, а некие еще не познанные мировые законы, реально влияющие на жизнь, фиксируются нашим сознанием в качестве проявления Высших сил. При решении поставленного вопроса возникает принципиальная трудность: поскольку Высшие силы воспринимаются внелогической частью нашего сознания, то эти ощущения (подобно чувству красоты) не поддаются логической проверке. Следовательно, наука (логика) решить подобный вопрос в принципе не в состоянии. Происходит, если придать поставленной задаче упрощенную наглядность, следующее: наука ищет в «своем» левом полушарии мозга Бога и не находит его там, так как его присутствие ощущает другое, правое полушарие, где «живет» эмоционально-образная часть нашего сознания. В свете сказанного становятся понятными известные слова Лапласа о том, что наука не нуждается в гипотезе существования Бога.

Здесь уместно вспомнить и великого Канта, который показал невозможность логического (научного) доказательства бытия Бога или логического опровержения веры в Бога. По ехидному замечанию булгаковского Воланда, Кант тут же придумал свое доказательство. Это не совсем так. Великий философ просто отметил связь Бога с нравственностью, ничего не доказывая (именно поэтому многие богословы считают рассуждения Канта неубедительными). С моей точки зрения, Кант и здесь проявил свою гениальность, утверждая, что основы религиозности лежат не там, где наука и логика, а там, где лежит внелогическое знание, в частности нравственность. Можно лишь поражаться его предвидению.

Как же решают эту проблему для себя выдающиеся ученые естественного профиля сегодня? Большинство из них мало интересуются ею, практически они атеисты, поскольку у них отсутствует «ген религиозности». Они, конечно, понимают, что являясь частью Вселенной, не понимают, а не чувствуют, а это разные вещи. Некоторые ученые, унаследовавшие этот ген, могут быть глубоко верующими, и, как показывает опыт, их религиозность ничуть не мешает им делать выдающиеся открытия в области математики или физики — достаточно назвать Планка. Наконец, существует третья, довольно многочисленная группа ученых, для которых вопрос о Высших силах приобрел своеобразную форму.

Эту группу ученых вроде бы можно отнести к атеистам: они не примыкают ни к одной из конфессий, их нельзя встретить ни в церкви, ни в мечети. Может быть, именно множественность и архаичная обрядность конфессий в какой-то мере и смущают их. Но, размышляя о Вселенной и ее судьбах, они не могут согласиться с тем, что она развивается, следуя слепым и безразличным ко всему «железным» законам материального мира; что жизнь на Земле возникла случайно, в силу того, что на этой планете случайно оказались нужный температурный режим и нужные химические элементы; что и дальнейшая эволюция Вселенной и жизнь в ней будут результатом игры случайностей, не имеющих никакого смысла, никакой цели. Они считают, что мироздание осмысленно. В свое время я назвал это вежливой формой религиозности в материалистическом мире. Чтобы меня не упрекнули в излишнем фантазировании, приведу высказывание по этому поводу академика А. Д. Сахарова, человека предельно правдивого, честного и смелого, из его книги «Воспоминания»:

«...я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысляющего их начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным».

Что же следует из всего сказанного? Прежде всего то, что религия — отнюдь не плод заблуждения. Что верующие не жертвы «темноты» или «пережитков», а вполне нормальные люди, относительное число которых не будет уменьшаться со

временем. Может быть, нелишне еще раз указать на то, что глубоко верующие люди, ощущая на внелогическом уровне свою органическую связь с идущими во Вселенной процессами, не просто верят в существование Бога, а знают, что он есть, почти физически ощущают его присутствие, и в их глазах «научные атеисты» представляются людьми недалекими, на пропагандистские усилия которых не следует обращать внимание, поскольку они отрицают очевидное. Атеисты скорее всего будут придерживаться точно такого же мнения о верующих. Все это совершенно естественно, это два разных восприятия Вселенной и идущих в ней процессов, но не повод для взаимной вражды.

Кто же из них прав? Уже говорилось, что научный (логический) анализ на такой вопрос ответить не может. Сегодня пытаются найти нужный ответ не на прямом, а на косвенном пути. Атеисты, предположив, что Бога нет, проследив затем процесс становления религиозных представлений, их естественные причины, историю развития, приходят к выводу, что этого вполне достаточно для объяснения феномена религиозности и подтверждения их атеистических взглядов. Верующие, не сомневающиеся в том, что Бог существует проследив процесс становления религиозных представлений у первобытных племен, историю развития религии, учтя естественные причины формирования особенностей религиозных представлений, приходят к выводу, что все происходило по воле Бога. Очевидно, что в обоих случаях совершается одна и та же логическая ошибка: то, что было вначале принято за аксиому, подтверждается в конце. Это, конечно, не путь для убедительного доказательства. Так что и тут нет ответа на поставленный вопрос.

В конце концов приходится констатировать, что доказать, в строгом смысле этого слова, как атеист, так и человек религиозный друг другу ничего не могут. Один, основываясь на внелогических ощущениях, принимает за истину существование Бога, другой принимает за истину противоположное утверждение. И тут, и там вера, а не знание. Я убежден, что и приведенное высказывание академика Сахарова не есть следствие анализа им уравнений современной физики, а внелогическая, интуитивная уверенность его в том, что должна существовать некая высокая гармония во Вселенной не только в смысле физической ее структуры, но в осмысленности всего происходящего.

Что касается численности верующих, то здесь наблюдается интересная картина. По моим (вероятно, не очень точным) оценкам, людей, отмеченных тем, что было названо «геном религиозности», где-то 10—15 процентов населения нашей страны. Примерно столько же истинно верующих и на Западе, где религия не подвергалась ожесточенному преследованию. С такой оценкой согласился один пастор из Франкфурта-на-Майне, с которым мы обсуждали феномен малочисленности посещающих его храм (по большим церковным праздникам их значительно больше). Разница между положением религии в нашей стране и на Западе проистекает из того, что остальные 85—90 процентов населения не следуют зову сердца, а поступают, «как принято». На Западе религиозность и посещение церкви — норма, а у нас еще недавно — занятие опасное.

Не следует, конечно, излишне упрощать дело. Если, как на Западе, принято посещать церковь, если людей систематически обучают и наставляют в религиозном духе, то религиозность воспитывается (как воспитывается способность понимать классическую музыку). Пусть человек не из таких, кто не может и дня прожить, не побывав в храме, но он будет искренне ценить религиозные истины, пытаться следовать учению Церкви и в этом смысле он — человек верующий. Так же и у нас. Поскольку атеизм пропагандировался всюду, а церковная проповедь была запрещена, то были воспитаны поколения, как метко заметил один искусствовед, «дремучих атеистов». Атеизм стал признаком образованности (ведь он проповедовался во всех школах, его обосновывали люди, обладавшие научными степенями и званиями). Настоящим атеистом (не «дремучим») можно назвать лишь того, кто подробно знаком с религиозным учением, посещал церковь, елушал религиозные проповеди и в конце концов не принял религии или отошел от нее. На Западе такие атеисты существуют, у нас их практически нет. Сейчас в стране все меняется, не исключено, что многие предпочтут религию атеизму.

Одно маленькое замечание. Если в процессе биосоциальной эволюции у людей образовался «ген религиозности», то «гена атеизма» образоваться не могло. Атеизм не есть присутствие чего-то — это «отсутствие». Религия — прежде всего переживание, и для такого переживания ничего, кроме самой религии, не нужно. Атеизм — отсутствие такого переживания. А «отсутствие» не может иметь гена.

* * *

Теперь о проблеме нравственного поведения человека. Эта проблема тоже оказывается связанной с асимметрией мозга, с тем, что в нем вырабатывается и логическое, и внелогическое знание и эти два вида знания не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга. Что будет, если мы начнем действовать, опираясь только на логику? Результаты научных исследований, полученные с помощью рациональных приемов мышления, истинны или ложны независимо от соображений морали. Таблицу умножения может успешно применять как очень хороший человек для добрых и полезных дел, так и последний негодяй в своих преступных целях. Таким образом, выводы рациональной науки не содержат в себе нравственного начала. Но для людей нравственность имеет жизненно важное значение. Представления же о нравственности, тем более «нравственное чувство», возникли задолго до науки — из образного, внелогического постижения мира.

Поведение человека в окружающем мире опирается на знание о нем. Это знание формируется как бы в двух взаимосвязанных сферах — одной, где решающее слово имеет логика, и другой, где господствуют чувства: сострадание, любовь к ближнему, религиозное чувство, поэтическое и т. п. Формируют ли эти чувства знание, пусть даже интуитивное, но знание? Да, формируют. Действительно, нередко при знакомстве с человеком даже у ребенка сразу, без каких-либо явных рациональных оснований, возникает симпатия или антипатия к нему. Это чувство становится первым (пусть иногда ошибочным) интуитивным знанием о человеке, которое в значительной мере определяет наше поведение.

У гармонично развитых людей оба источника знания — и логического, и внелогического — находятся в известном равновесии и определяют поведение. В современном обществе объем и значение рационального, логического знания непрерывно растут. Люди все чаще ищут оптимальные решения стоящих перед ними задач, причем понятие оптимальности имеет обычно строго рациональный смысл. К примеру, как при наименьших затратах возвести то или иное сооружение, каким путем предприятие может получить максимальную прибыль и т. п. Помимо сказанного, надо иметь в виду, что быстрое развитие науки и техники показало мощь и эффективность рационального знания и породило естественное в этих условиях ощущение того, что на основе рационального знания в конце концов можно объяснить все происходящее в мире и решить все задачи и проблемы, стоящие перед человечеством. Эта уверенность наиболее наглядно отразилась в школьных программах: детям преподают математику, физику, химию, астрономию, биологию и аналогичные дисциплины, а внелогическому знанию уделяют смехотворно мало времени — часы, отведенные пению и рисованию. Даже при изучении литературы упор делается на логическую часть (разбор идейной направленности произведения), а не на развитие художественного вкуса учащихся.

Именно такие условия приводят к тому, что логическая, рациональная составляющая нашего знания о мире нужна постоянно, она все время используется и наращивается, внимание человека приковано прежде всего к ней, а внелогическое знание оттесняется на второй план. Нравственность становится чем-то второстепенным, и это все более и более беспокоит человеческое сообщество. Не тревожно ли в самом деле, что характеристики «удачливый бизнесмен», «хороший организатор производства» оказываются порой важнее, чем оценка «порядочный человек»?

Сегодня, в период триумфа естественнонаучного знания, впечатляющих открытий в физике, астрономии, биологии и других науках, дающих рациональное объяснение жизни Вселенной, возникла грандиозная задача создания научной карти-

ны мира и на ее основе научного мировоззрения. Многие считают, что решение этой сверхзадачи благодетельствует человечество. Однако такое утверждение представляется весьма сомнительным, ведь в этом случае мировоззрение будет односторонним, а поэтому ущербным.

Человечеству нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное (внелогическое, образное) восприятие его. Мир следует постигать (повторю Гомера) и мыслью, и сердцем. Лишь совокупность научной и «сердечной» картины мира дает достойное человека отображение мира в его сознании и может быть надежной основой поведения.

Поражающая воображение нынешняя аморальность — свидетельство того, что второй из этих источников почти никем не принимается во внимание. Нечто подобное происходит и на Западе (может, в несколько ином виде). С моей точки зрения, это следствие опьяняющих результатов научно-технического прогресса, порожденной им наивной веры во всемогущество науки.

Иногда говорят, что человек, как птица в полете, нуждается в двух крыльях: одно крыло — наука, другое — нравственность; что биологическое наименование «человек разумный» следовало бы дополнить термином «человек моральный».

Поразительно, но многие считают, будто поэтическое и нравственное чувство могут дополнять научное знание, а вот наука и религия несовместимы. Это утверждение так часто повторялось, что большинство у нас полагает его истиной, не требующей доказательств, в то время как на самом деле оно ошибочно. Говоря о целостном, гармоничном мировоззрении, мы ни в коем случае не должны исключать из этой целостности религию. Другое дело, что у какого-то конкретного человека религиозное чувство не может быть развито даже воспитанием. Это совершенно нормально, ведь существуют же люди, абсолютно равнодушные к музыке; такого рода исключения лишь подтверждают правило.

Вернемся к вопросу об усилении нравственного начала в современной жизни. Это стало настоятельной потребностью и у нас, и на Западе, однако пути обретения нравственностью принадлежащего ей по праву места далеко не ясны.

В последнее время часто говорят в этой связи о необходимости гуманизации современной жизни, имея в виду, как я понимаю, несколько потеснить «рациональную», технократическую мотивацию, дав место и духовности в формировании поведения как отдельного человека, так и общества в целом. Усиления духовного начала многие надеются достичь на пути гуманитаризации, обращения к бесценным памятникам отечественной и мировой культуры. Знакомство с историей Отчизны, с ее героическими страницами, с деятельностью выдающихся соотечественников, для которых высокие (далекие от сиюминутных выгод) цели определяли смысл жизни, — все это, безусловно, должно способствовать перестройке сознания в желаемом направлении.

Трудно переоценить роль памятников истории и культуры, в которых овеществлено прошлое Отечества. Нелишне, быть может, заметить здесь, что «живые» памятники дают много больше «мертвых». Ходить по новому зданию Ленинградского университета совсем не то, что идти по длинному коридору здания старого, стены которого помнят Менделеева. Очень важно, чтобы старое здание было «живым», то есть оставалось университетом. Точно так же «живой» храм дает много больше «мертвого». Когда в нем во время богослужения стоит даже не религиозный человек, он невольно начинает чувствовать себя звеном в цепи, уходящей в далекое прошлое, он невольно начинает оценивать себя — достоин ли он своих предков, которые возвели этот храм, составили эту службу. Это совсем не то, что под холодными сводами пустого собора услышать от экскурсовода, что на стене слева видны фрески знаменитого художника, и быстро перейти в следующее помещение.

Не меньше дает и русская литература с ее поисками нравственных идеалов. Достаточно вспомнить Ф. М. Достоевского или Л. Н. Толстого. Обо всем этом много раз писали те, кто озабочен засильем близорукого практицизма во всех сферах жизни. Однако если бы гуманитарное образование, чтение классиков были достаточным условием для воспитания нравственности, то наши писатели были бы людьми идеальной нравственности. К сожалению, история советской литературы

решительно опровергает такое предположение. Все, что говорилось, — условие полезное, но недостаточное.

Гуманитаризация лишь тогда оправдывает возлагаемые на нее надежды, когда будет опираться на прочный фундамент с детства усвоенных моральных принципов. В прошлом азы нравственности ребенок постигал еще в семье, которая играла огромную роль в жизни всех ее членов. Теперь положение изменилось. Нередко отец и мать работают, дети после занятий в школе — на «продленке», и у каждого свои интересы, часто весьма различные. К тому же душевные беседы нередко заменяются совместным сидением перед телевизором. Первоначальные представления о нравственности ребенок получает в лучшем случае из наставлений родителей, а не из наблюдения их жизни и естественного желания подражать им. Но предположим, что ребенок принимает участие в разговорах взрослых или слушает их. Что он может узнать? Сколь ни печально в этом сознаться, даже в «благополучных» семьях нередко можно услышать рассуждения на тему «как достать». И ребенок усваивает простую истину. что честность в реальной жизни скорее похвала, чем добродетель. Что где-то нужно переплатить, что вездесущий «дядя Вася» всегда готов продать вам краденое (какие-то дефицитные детали, запчасти и другие нужные вещи, которых в продаже просто не бывает), а иногда и философское обобщение родителей: «кругом жулики, и без них прожить нельзя». Неудивительно, что вскоре он сам попросит отца принести что-то с работы (хорошую бумагу, пару каких-то болтиков), не подозревая даже, что провоцирует его на нечестный поступок. Разве можно в таких условиях воспитать настоящую нравственность с помощью одного гуманитарного образования?

Положительную роль играли в прошлом и нормы поведения, которые определялись необходимостью блюсти сословную честь. Взять хотя бы дворянство. Неписанный кодекс дворянской чести человек усваивал с детства, наблюдая поведение взрослых и слушая их разговоры и оценки событий. В случае, когда дворянина, например, офицера, обстоятельства вынуждали нарушить этот неписанный кодекс (хотя бы не уплатить в срок карточный долг), нередко единственным выходом для него было самоубийство. Как видим, нарушение норм сословной морали не только вызывало осуждение, но и грозило значительно более серьезными последствиями.

Другие, но тоже достаточно строгие нормы сословной морали существовали и у купечества, и у фабрикантов: «честное купеческое слово» было не пустым понятием. Можно было и схитрить, и «обвести вокруг пальца» конкурента, но лишь «в пределах правил», а не аморальными поступками. Совсем недавно советский директор совместного с одной западной фирмой предприятия рассказал мне следующее. Обсуждая со своим зарубежным коллегой способы завоевания мирового рынка, он предложил, пользуясь своими возможностями, на некоторое время установить цены на изделия заметно ниже мировых. Это должно было, по его мнению, «выбить конкурентов из седла». Помрачневший коллега сказал, что это аморально. Предложение более не обсуждалось. В чем тут дело? Ответ прост: аморально поступить можно, но после этого ни один бизнесмен не захочет иметь с тобою ничего общего. Может быть, стреляться и не придется, но карьера в деловом мире будет кончена. Так сословная мораль помогает хорошей работе.

Здесь невольно хочется сравнить этого западного делового человека с нашими отечественными в условиях командно-административной системы. У нас аморальность стала почти необходимым элементом системы. Вот типичный пример. Директору крупного предприятия «пускают» заведомо невыполнимое задание. Директор может отказаться, но тогда его сразу уволят. Если он согласится, то со временем начальство может потерять интерес к заданию (и тогда проблема снимется сама); к тому же есть возможность представить срыв плана как вину смежников: это всегда убедительно — ведь часть из них тоже получила нереальные задания. Вывод: надо согласиться (то есть соврать). Появился даже специфически-директорский фольклор: при социализме легче бороться «за», чем «против». Неудивительно, что такой уровень деловой морали приводит к постоянным производственным дефицитам, «долгострою» и т. п. Иначе и не может быть, если систематическое вранье приучило всех не выполнять своих обещаний, кстати, не только на производстве, но, как следствие, и в учреждениях. Хрестоматийный пример:

бюрократ из местного Совета, ежегодно обещающий отремонтировать дом (зная, что это нереально) и ремонта не производящий. Скорее всего тот уровень жизни, до которого мы дошли, в немалой степени следствие катастрофического падения деловой морали. Система повсеместного вранья делает неизбежной «двойную мораль» — одну для «внешнего употребления», другую — для себя, а это зачастую ведет к деградации личности.

Страна переходит к рыночной системе экономики. Дело трудное, готовятся новые законы, изыскиваются наилучшие формы экономической деятельности. Но, может быть, самым трудным будет внедрение деловой морали, условно говоря, — «честного купеческого слова».

Не только у привилегированных слоев, но и у крестьян, и у рабочих была основная мораль. Крестьянин не мог нарушить неписаных законов крестьянской общины, рабочий — законов своего класса. Говоря о рабочих, я не имею в виду классовой солидарности и связанных с нею моральных принципов — они широко известны. Но, кроме того, у настоящего мастера своего дела было развито чувство профессиональной гордости за выполняемую работу, чувство рабочей чести. Сейчас положение, к сожалению, совсем иное.

Качество нашей продукции столь низко, что продать на мировых рынках почти ничего нельзя. Причину крайне низкого качества видят в нарушениях технологической дисциплины на предприятиях. Но ведь технологию нарушают люди, и прежде всего рабочие. Вот типичный пример аморального поведения. Стоящий у технологической установки оператор, который должен отслеживать температуру с точностью до одного градуса, считает возможным отойти, поболтать с товарищем и тем временем упустить температурный режим, поскольку «этого никто не заметит». Человек с развитым чувством ответственности ведет себя, как требуется, не только тогда, когда на него смотрят, но и тогда, когда «этого никто не заметит». Быть может, утверждение в рабочей среде высокой производственной морали будет тоже одной из самых трудных задач перестройки.

Рассмотренные здесь проблемы нравственности, ослабления нравственных начал, которые дети получают в семьях, а также падения того, что условно было названо сословной моралью, свидетельствуют о тяжелой болезни, охватившей наше общество. Снижение нравственного уровня проявляется не только в росте преступности, антиобщественном поведении некоторых групп населения, но, что для многих, возможно, неожиданно, сказывается и на экономике. Это тем более требует решительных шагов в направлении, ведущем к нравственно здоровому обществу.

Исходную систему элементов нравственности, которая даст «всходы» в деловой, рабочей, общественной и семейной морали, очевидно, следует закладывать с детства. Именно поэтому хорошее семейное воспитание крайне необходимо, но для этого надо вернуть семье ее прежнее значение. В послереволюционные годы постепенно сложился уродливый облик «передовой советской семьи»; немалая вина здесь и публицистики, литературы. В такой «образцовой» семье отец обязательно приходит с работы, когда дети уже спят, жена тоже целиком погружена в производственные и общественные дела. При этом существовало убеждение, что о детях на все сто процентов заботится государство. Но даже если бы государство и заботилось о детях в тысячу раз больше, чем сегодня, ничто не может заменить им общения с внимательными и любящими родителями, особенно в такой тонкой сфере, как воспитание нравственности. Важны не поучения, а личный пример родителей, их высоконравственное поведение. Мне совершенно ясно, насколько трудно этого добиться в нашем обществе, охваченном экономическими и социальными неурядицами, но что-то менять, и менять кардинально нужно. Это очень серьезно, так как менять придется весь образ жизни. В какой-то мере можно взять пример с США, где возник своеобразный культ семьи, где постоянное общение детей и родителей считается не только само собой разумеющимся, но и приятным.

Если обратиться к истории нашей страны, то можно убедиться, что большую роль в воспитании нравственности играла в свое время и Церковь, причем это воспитание начиналось с детства, еще в первых классах школы. Чему же учили де-

тей? Многие сегодня думают, что на этих уроках на детей напускали очень вредный «религиозный дурман». Нет ничего ошибочнее подобного взгляда. Важнейшим элементом религиозного воспитания было воспитание нравственности. В самых младших классах нравственному поведению обучали на простых и наглядных примерах, взятых из Священного Писания, в старших толковали смысл десяти ветхозаветных Заповедей и девяти новозаветных Заповедей Блаженств, евангельской проповеди, Посланий апостолов и т. д.

Одной из главных составных проповеди нравственности была проповедь всеобщей любви, причем обращена была она не к логической части сознания (мол, ве-ди себя хорошо, и тебе повезет), а к образно-эмоциональной (твое поведение должно опираться не на себялюбие, а на сострадание и милосердие). В основе этой любви должна лежать любовь к стране, природе, к своим ближним и, что, конечно, трудно, к людям тебе неприятным, даже врагам. Как современна эта проповедь в мире, которому грозит экологическая катастрофа, в мире разделенных и враждующих людей! Как созвучна она современному стремлению следовать общечеловеческим ценностям, строить общий дом для всего человечества!

Человеку непредвзятому христианское учение представляется удивительно актуальным. Это, впрочем, не так уж неожиданно, ведь мы живем в стране в основном христианской культуры и испытываем влияние христианства совершенно независимо от того, кем себя считаем — атеистами или верующими. Взять хотя бы такой объединяющий людей принцип, как интернационализм. Мы не устаем сегодня напоминать о нем и стараемся следовать ему. Но мало кто знает, что этот принцип (в те годы весьма революционный) был провозглашен апостолом Павлом в «Послании к римлянам», а часто называемое принципом социализма утверждение «кто не работает — тот не ест» тоже принадлежит апостолу Павлу; его можно найти в его «Втором послании к фессалоникийцам».

Воспитание нравственности нельзя свести к прослушиванию курса лекций, или систематическим занятиям в школе, или чтению соответствующей литературы. Это невысказано по той же причине, по которой нельзя пройти по натянутой проволоке, прослушав соответствующий курс лекций. Лекции, конечно, полезны, но научиться можно, только начав тренироваться и набив себе, условно говоря, изрядно шишек. Абсолютно необходимо наряду с постижением теории начинать учиться вести нравственную жизнь. Далеко не все будет сразу получаться, тут тоже неизбежны «шишки». Реальная повседневность всегда сложнее красивых схем и далеко не все наши поступки можно отнести к вполне нравственным. В этом случае человек, стремящийся к нравственной жизни, должен испытывать искреннее огорчение по поводу того, что не справился с возникшей ситуацией.

Полученные знания следует укреплять систематической «тренировкой», и Церковь добивалась этого не только проповедями в храме, но и таинством покаяния. Верующий должен был регулярно исповедоваться в своих грехах, причем не только в безнравственных поступках, но даже и в мыслях о них. Важно отметить, что исповедь происходила без свидетелей и священник обязан был хранить ее в тайне. Таким образом создавались условия для предельной правдивости кающегося, без чего истинное воспитание вряд ли возможно. Священник не только выслушивал кающегося, но давал ему советы, наставлял, стремясь исключить повторение приведших к покаянию поступков; при этом он использовал опыт, накопленный духовенством за многие столетия. Когда кающийся беседует со священником, он считает того посредником между собою и Богом, то есть высокоавторитетным лицом. Нетрудно представить себе, сколь эффективна эта система, если исповедь и покаяние становятся нормой повседневной жизни и продолжаются от отрочества до конца жизни.

Откровенная беседа с высокоавторитетным лицом без свидетелей и, как было принято говорить, от сердца к сердцу, — важнейший путь к воспитанию вообще и нравственности в особенности. Это обстоятельство хорошо усвоено не только христианством, но и другими религиями и этическими учениями, где в постоянной паре, задушевно беседуя, выступают ученик и Учитель. Такое бывает и в повседневной жизни. В здоровой семье с любимой всеми матерью откровенные, без свидетелей, беседы ее с дочерью не только полезны, но крайне необходимы.

Что можно противопоставить сегодня когда-то традиционной системе воспитания и поддержания нравственности? По сути — ничего.

В школе воспитание нравственности ведется вроде бы факультативно. Ученики не должны, как раньше, в течение многих лет отвечать на уроках на вопросы о нравственности. По окончании школы в ответ на обвинение в аморальности они вполне могут сказать словами известной песенки: «Это мы не проходили, это нам не задавали!» Конечно, хороший учитель может обсудить на каком-то уроке, особенно на уроке литературы, моральную проблему. Еще больше дает пример высоконравственного поведения любимого учителя. Можно, конечно, пригласить в школу и лектора. Однако всего этого слишком мало. Особенно если учесть, что многие поколения учились в школе не любви, а ненависти: мое поколение — ненависти к классовым врагам внутри страны и к мировой буржуазии, а более поздние — к американскому империализму и его пособникам в стране. (Сейчас многие из этих «пособников» являются гордостью не только страны, но и всего человечества.) Не это ли один из источников той злобы, которую мы с печалью, а иногда с ужасом наблюдаем в нашем обществе?

Что касается поддержания нравственности в «народных массах», то различные собрания и заседания дают очень мало. Неким подобием исповеди пытались сделать самоотчеты на многолюдных собраниях. Однако если на исповеди идет речь о грехах, то самоотчеты стали способом самовосхваления и лишь в конце предполагалось посвятить несколько ритуальных слов самокритике. Да и многочисленность равнодушных слушателей исключала всякое искреннее покаяние. Другим методом «воспитательной работы» было обсуждение аморальных поступков. Но это уже не покаяние, а суд. Иногда на такой суд выносились вопросы, которые в цивилизованном обществе публично не обсуждаются. Тогда судилище превращалось в школу аморальности, причем наиболее убедительные образцы аморальности демонстрировали те, кто соглашался выступить в роли судей.

Неудивительно, что такой плачевный уровень деловой, производственной, общественной, а иногда и семейной морали, да еще при отсутствии эффективной проповеди нравственности, опасно деформировал поведение людей. И очень многие, совершая безнравственный поступок, испытывают скорее радость, чем угрызения совести (например «несун», безнаказанно укравший что-либо на производстве). Уголовная хроника дает иногда поразительные иллюстрации нравственной деградации общества. Недавно в прессе было сообщено об аресте вооруженной банды грабителей. Поразителен ее состав: экономист, военнослужащий, начальник отдела министерства, инженер престижной организации и т. д.

Многие наши идеологи утверждали, что все уладится само собой по мере продвижения к коммунизму, тем более что атеизму «органически присуща» высокая нравственность. Все это оказалось пустой болтовней. Мне не приходилось слышать конструктивных предложений, о которых я бы решился сказать, что с их помощью может быть решена проблема нравственного воспитания общества. У меня тоже нет таких предложений. Очевидно, однако, что излечить общество без здоровой экономики, которая исключит вранье и воровство, невозможно. Экономика страдает от аморальности, а один из источников аморальности — больная экономика. И эту взаимосвязь нужно понимать.

В воспитании нравственности свою роль может сыграть и Церковь со своими многовековыми традициями — по сути, сегодня единственная организация, имеющая огромный опыт и безусловные успехи в этом деле. Ее благотворное влияние, вероятно, распространится не только на верующих, но и на более широкие круги нашего общества.
